

СОВЕТСКОЕ ИСКУССТВО

Сорок лет на сцене

Москвин

Как известно, зритель Художественного театра — самый дисциплинированный в мире. Еще когда-то Художественный театр издал свой знаменитый манифест об аплодисментах. «Принимая с благодарностью аплодисменты, как выражение... и т. д.» (театр просит не хлопать во время действия), — а его зритель и до сих пор, кажется, убежден, что театр аплодисментов «не любит», и зритель, даже когда можно — по окончании акта, — хлопает как-то... стесняется

Но на днях этот зритель за себя постоял!.. Шел рядовой спектакль — «Горячее сердце» — 12 октября 1886 г. В середине 2-го акта где-то далеко за задником пополала притумленная песня — по зрительному залу пронеслось мгновенное, чуть ощутимое, но несомненное движение. А когда через минуто-другую из-за кулис показалась лодка, стоя на которой весь, как яркий лубочный мазок, Хлынов — Москвин дирижировал хором своих озорников, — чинный зал Художественного театра как прорвало: забыт «манифест», опрокинута «дисциплина» — и честные, восторженные, благодарные театральные аплодисменты промко обрушились на растерявшуюся сцену МХАТ.

Трогательно было смотреть — как долго крепился Москвин, как упорно размахивал руками, что-то кричал Хлынов. Но воодушевление зала было так сильно, что совершилось нечто неслыханное в летописях МХАТ: его артист «вышел из образа», приблизился к рампе и, приложив руку к сердцу стал традиционнейшим образом раскланиваться с публикой!..

Такова мера любви советского зрителя к этому замечательному актеру и вместе — мера связи старого актера с совсем-совсем новой публикой.

Анкета И. М. Москвина исключительно несложна. Год рождения — 1874, в 1892 г. поступает в московскую «Филармонию», к В. И. Немировичу-Данченко. По окончании театральной школы — 40 лет назад — идет «служить» в Ярославль к Маллиновской. Следующий сезон — в Москве, в театре Ф. А. Корша. Но оба прославленные антрепренера не сумели разглядеть Москвина в И. М. Москвине — и держали молодого актера на приставочных мелких ролях... На третьем году овей театральной карьеры Москвин становится артистом только что возникающего Московского художественно-общедоступного театра.

«Буйные сектанты» — художественники — готовили свою первую премьеру «Царя Федора Иоанновича», как во всех отношениях боевое выступление. Над образом царя Федора работали с шестью актерами — с Москвиным в том числе. Но вчерашний «коршевец» чувствовал себя в роли не твердо, и только проницательности и педагогическому опыту В. И. Немировича-Данченко удалось обеспечить этому промкому спектаклю достойного исполнителя заманной роли в лице никому еще неизвестного актера. А 15 октября — на другой день после премьеры — И. М. Москвин стал известен всей театральной России, сразу стал знаменит.

С тех пор на сцене МХАТ Москвиным создан длинный ряд в огромном большинстве впечатляющих, незабываемых, а в некоторой части подлинно «бессмертных» образов.

Арнольд — «Михаил Крамер», Освальд — «Привидения», Епиходов — «В и ш и е в ы й сад», Бобчинский и горюничий — «Ревизор», Остерман — «Драма жизни», Коромыслов — «Катерина Ивановна», Лука — «На дне», Роде — «Три сестры», Голутвин — «На всякого мудреца довольно простоты», Львов — «Иванов», Загорец — «Горе от ума», Касьянов — «Стены», Самозванец — «Борис Годунов», Кот — «Синяя птица», Снегирев — «Братья Карамазовы», Ф. Протасов — «Живой труп», Фома Фомич — «Село Степанчиково», Пазухин — «Смерть Пазухина».

Последний шедевр Москвина — новый, обогащенный Хлынов. И кто скажет, что в этот образ «всажено» меньше творчества, темперамента и искусства, чем в создание его актерской юности, — в царя Федора!..

Иным казалось, что дарование Москвина развивалось «самотеком», вне влияния знаменитой «системы» театра, будто Москвин был бы Москвиным и на любых других подмостках.

На самом деле — как раз наоборот: Москвин — самый «органичный» МХАТ его актер.

Можно сказать, что в любом моменте игры Москвина столько же «вдохновения», сколько и «ремесла».

Реалист до мозга костей, Москвин твердо ходит по земле, по самой почве. Его художественные средства — всех трех измерений, осязаемы — наощупь. Но он исключительно экономен в выборе этих средств. Он не дает себя «заморочить» лежащим перед ним «богатством», — и в своей актерской лаборатории Москвину, должно быть, телетко удается найти богатство вокальных диапазонов Хлынова, бородавку с колочим волосом у Опсина, ужасно красноречивый жест большого пальца у Пугачева, клиннический облик царя Федора.

Вот почему творчество Москвина всегда было творчеством исключительного театрального обаяния — и это особенно заметно было тогда, когда Художественный театр, в азарте отращения к ложной театральности, отворачивался с запальчивостью и от самой специфики своего искусства — от театральности вообще. И характерно, что МХАТ даже в этот свой период не переставал считать Москвина «своим» и продолжал бережно и братски лелеять его талант.

При всем реализме красок, при всем будто бы «объективизме» художника, Москвин умеет ненавидеть или любить своих героев. Сколько здоровой ненависти к хлыновщине, сколько категоричности в его смертном притворе монархии («Царь Федор»), сколько презрения к общественному лицемерию (Фома Фомич)!..

Пожалуй, самое трудное и сложное в актерском мастерстве — сочетать социальную заостренность образа с его «жизнеподобностью».

Молодежь, присмотритесь, как этого добивается Москвин!

В. БЛЮМ.

18 октября, в день 40-летия своей сценической деятельности, народный артист СССР И. М. Москвин получил приветственную телеграмму от народного артиста СССР К. С. Станиславского и народной артистки республики М. П. Лилиной:

«Шлем вам из нашего уединения самые восторженные приветствия и выражение восхищения. Думаем о ваших триумфальных 40-летних художественных победах — у нас, в Европе и в Америке. Воспоминания о них бережем и с благодарностью храним в самых заветных тайниках ума и сердца. Второй привет другу, человеку и товарищу, с которым вместе мечтали, создавали, строили, укрепляли любимое дело. С ним связана вся лучшая часть жизни. Такое долгие содружество и совместная работа сближают до степени родства. Нежно любим, искренне благодарим, крепко обнимаем, радостно поздравляем. К. С. Станиславский, Н. П. Лилина».

От В. И. Качалова И. М. Москвин получил следующее письмо:

«Привет тебе, дорогой друг! Привет от всего сердца! Приветствую в тебе верного, испытанного друга, чудесного товарища моего. Приветствую в тебе и «старика», приветствую и юного 19-летнего гражданина новой России, благородного, надежного, прекрасного сына нашей молодой и прекрасной советской страны. Приветствую в тебе от всей души актера, самого яркого по краскам, самого сильного по простоте и искренности, самого пленительного из всех актеров, каких я встречал на моем веку. Радостно взволнованный сегодня обнимаю и крепко целую тебя, дорогой и любимый друг! В. И. Качалов».

Москвину

Стихи В. И. Качалова

То было сорок лет назад —
Летят года, летят, летят...
Промчалось сорок лет с тех пор,
Как знаменитый наш актер
Иван Москвин свой начал путь
Актерский. Тихо, как-нибудь,
Чуть-чуть плетется первый год.
И тихо год второй идет.
У Корша Ваня. Не везет
И тут ему. И рольки нет,
И не обут, и не одет,
И в Богословском переулке
Подчас вальхал о белой булке.
Не знаю, правда или нет
Но вызвал Ваню в кабинет
Однажды Корш: «Вот роль
Моора —

Отца в «Разбойниках!» Умога!
Потел наш Ваня, лез из кожи —
Чтоб страшным быть — и делал

рожи
Трагических актеров — все же
Все это было не похоже
На немца, старика, отца.
У Вани — робкого юнца —
Тут явно не хватило сил —
И он «Моора» провалил.

Но наступает третий год,
И двое дядей заседают —
Волода с Костей — и решают
Открыть театр в Москве — и вот
Театр открыт, и в нем илет
«Царь Федор» — и разинув рот
От удивленья, умиленья,
Москва сказала: «Нет сомненья —
Москвин — чудеснейший актер» —
И выплыл Ваня на простор.

То исторический был год
И для театра и для Вани,
Сплелись их дружеские длани, —
И двинулся театр вперед,
И в нем Москвин растет, растет,
И что ни год, Москвин дает
Такой приплод, что весь народ
Единодушно признает,
Что в Москвине большая сила.
И Москвина условила
Москва. Как о любимом сыне
О нем печется и доньне,

Итак, в «Феодоре» он встал,
Как монумент, на пьедестал.
И засверкали, заблестали,
И восхищать не перестали,
И будут радовать и впредь
Его созданыя. И смотреть
И слушать будут все тебя,
Волнуясь, радуясь, любя...

Духовной жаждою томим,
Теперь ты к радостям иным
Идешь. Не знает молодежь,
Какую радость познаешь,
Когда ты видишь, что недаром
Природа наделяет даром,
Что этот дар твой ты сберег
И сделал в жизни все, что мог.